

УДК 94(410)°17°

ПОЛЕМИКА Э. БЕРКА И К. МАКОЛЕЙ ПО ВОПРОСУ ОЦЕНКИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Е. Ю. Аксенова

Самарский государственный университет путей сообщения
E-mail: lenax@list.ru.

В данной статье рассматривается и анализируется полемика по вопросу отношения к Французской революции двух выдающихся английских публицистов XVIII в. Э. Берка и К. Маколей.

Ключевые слова: Англия XVIII в., Э. Берк, К. Маколей, политическая публицистика, революция во Франции.

E. Burke and C. Macaulay's Viewpoints on the Evaluation of French Revolution

E. U. Aksenova

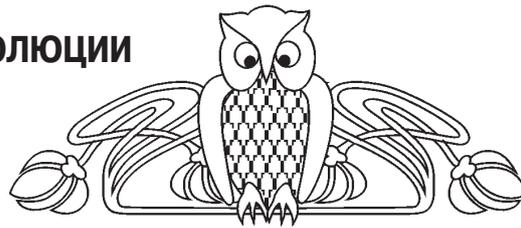
This article describes and analyzes the debates for problem of the French Revolution between two great English writers of XVIII century, Edmund Burke and Catharine Macaulay.

Key words: XVIII century's England, Edmund Burke, Catharine Macaulay, political pamphlet, French Revolution.

Революция во Франции, произошедшая в конце XVIII в., была, есть и остается одним из важнейших событий не только французской, но и мировой истории, и не только указанного периода, но мирового исторического процесса в целом. Французские события уже непосредственно в ходе их осуществления привлекали самое живое внимание со стороны ведущих держав того времени. И едва ли не самый активный интерес был со стороны Англии, как страны, в которой подобная революция произошла ранее. Английские политические деятели разного ранга, а также ученые, публицисты и писатели использовали, конечно, разные «площадки» для выражения своего мнения, и одним из самых популярных был жанр политического памфлета. Памфлет стал к тому времени излюбленным способом выражения своей точки зрения для всех участников общественно-политической жизни Великобритании.

В полемике по вопросу отношения к Французской революции и её оценки выделяются два памфлета, представляющие полярные точки зрения. Это работы Э. Берка и К. Маколей.

Эдмунд Берк (1729–1797) был блестящим публицистом и идеологом вигской партии, теоретически обосновавшим претензии вигов на власть, считая их защитниками и хранителями английской свободы. При жизни точка зрения Берка по тем или иным вопросам не всегда находила понимание даже у его единомышленников, но впоследствии Берк прослыл образцом английского государственного деятеля у всех партий Великобритании, а его произведения были по достоинству оценены.

В настоящее время признается огромное значение идей Берка. Многие из того, о чем он писал, было подхвачено и развито другими исследователями, то есть имеет концептуальное значение.

В своей речи в парламенте в феврале 1790 г. Берк категорически отвергал устоявшееся мнение о благотворности Французской революции и пророчески предсказывал ее негативные последствия не только для самой Франции, но и для других народов. Для Берка Французская революция «противоречила природе вещей, была бунтом против Бога, разрывом с устоями совершенного общества»¹. Эта речь вызвала возмущение в среде вигов и радикалов. Даже многие друзья Берка были очень недовольны его выступлением, но, тем не менее, 1 ноября 1790 г. выходит знаменитый памфлет Берка «Размышления о революции во Франции».

Ответная реакция не заставила себя долго ждать: памфлет К. Маколей «Замечания на “Размышления”» достопочтимого Э. Берка о революции во Франции» был опубликован через месяц после работы последнего. Кэтрин Маколей (1731–1791) к тому времени была уже широко известным историком и публицистом. Первая английская женщина-историк, опубликовавшая при жизни 8 томов «Истории Англии», впервые написанной с позиций «истинного вигизма», радикализма и республиканизма, Маколей была и автором ряда памфлетов, среди которых «Письма об образовании», «Скромная мольба об авторском праве», «Трактат о непреложности моральной истины» и другие. Кроме того, К. Маколей была давним оппонентом Э. Берка. Один из первых памфлетов, написанных ею, также создавался в противовес Берку и назывался «Правда о причинах нынешнего недовольства».

Э. Берк начал с того, что отнюдь не считал революционный путь необходимым, и уж тем более закономерным для Франции. Для того чтобы доказать жизнеспособность династии Бурбонов, он использовал социально-экономические параметры. Нужно поставить в заслугу мыслителю то, что он справедливо связывал государственную политику и состояние экономики. Так, еще ранее, анализируя деятельность правительства Рокингема, он, оперируя статистикой, доказывал правильность его политики, указывая на блестящее состояние экономики в тот период. Теперь, рассуждая о Французской революции, публицист также ста-

вил во главу угла экономические вопросы. Уже в речи в парламенте 9 февраля 1790 г. он осуждает постреволюционную Францию не только за ниспровержение всех основ бывшего общественного устройства, но и за развал торговли и промышленности. С помощью сопоставления показателей жизни и прироста населения в последние годы перед революцией и сразу же после нее Берк обращается к читателю с вопросом относительно старой Франции: «есть ли здесь скрытые пороки и так ли они велики, что бы дать право сразу же сравнивать с землей это огромное здание?»².

Государственное устройство дореволюционной Франции представлялось Берку вполне приемлемым, поскольку оно обеспечивало подданным основные социальные права: на жизнь в соответствии с законом, на справедливость в отношениях с другими гражданами, возможность пользоваться результатами своего труда и делать его еще более производительным, наследовать родителям, воспитывать и образовывать своих детей, право на наставление в жизни и утешение в смерти³.

Однако мыслитель вовсе не идеализирует Старый порядок. В «Размышлениях» он также выявляет и его недостатки, к главным из которых можно отнести несовершенство системы налогообложения и чрезмерные полномочия французского монарха, не совместимые с законом и свободой⁴. Но все недостатки, по его мнению, вполне можно было бы устранить реформами, не разрушая государственного и общественного устройства. Более того, мыслитель доказывает, что политика реформ действительно велась при Людовике XVI, который вообще удостоился со стороны Берка весьма лестной характеристики. Итак, мы видим, что он не находит объективных причин для революции.

Работа Маколей начинается замечанием о том, что работа Берка привлекла большое внимание, однако его «Размышления» «могут служить лишь для украшения, могут вызывать восхищение очаровательным обаянием красноречия; но, поскольку они написаны не для того, что бы очаровывать, а для того, что бы убеждать...», она не смогла смолчать и не ответить на них⁵, поскольку «это тот случай, когда речь идет о важном для всего человечества» и «...о том, что затрагивает все цивилизации и нации и касается всех людей». Маколей пишет, что в Англии «французскую революцию уже воспринимают с двух точек зрения – с ликованием и с негодованием, и мистер Берк взял на себя роль оракула последней стороны», памфлет которого, благодаря речи Берка в парламенте, был давно ожидаем⁶. Её очень огорчает, что «этот джентльмен, столь высоко ценимый по характеру», стал на сторону противников революции во Франции, что также заставило ее ему ответить. Она считает, что государственные институты, созданные в Средние века – эпоху предрассудков и суеверий, перестали быть жизнеспособными,

горячо заявляя, что только незнание народом своих прав обеспечивало его пассивное повиновение правителям, попиравшим его свободу. Кроме того, она писала, что революция произошла не вдруг, она следствие взрыва, потрясшего, наконец, Францию в результате долго копившихся несчастий⁷, так как институт французской монархии, возникший в Средневековье, представлявшаяся ей мрачной, темной эпохой, окончательно устарел, но чтобы это понять, понадобилась «революция идей», то есть Просвещение. Маколей назвала Французскую революцию «неожиданным проявлением просвещенного духа»⁸. Сама же революция представлялась ею торжеством разума над предрассудками. «Двадцать четыре миллиона человек избавились от всего, что уничтожало здравый рассудок и причиняло страдания», – заявляла К. Маколей⁹, и то, «как они избавились от старой неволи, вызвало восхищение всех людей»¹⁰. К. Маколей также усматривала в наличии огромного национального долга одну из основных причин революции¹¹. Революционеры, по ее мнению, являясь настоящими патриотами, думали о «предотвращении национального банкротства»¹².

Для Маколей единственно возможным решением бед Франции является не реформирование старой конституции, а создание новой, поскольку третье сословие решило «возместить собственные обиды, не дожидаясь эффекта от смиренных петиций и противоречивых советов»¹³. Приговор, выносимый ею прежней власти во Франции, умолим: «Если мы однажды допускаем власть», наличие которой «несовместимо с условиями гуманности, мы никогда не сможем жить в просвещенные дни», которые будут характеризоваться «улучшениями в политике», – заявляет она¹⁴.

Существенным различием между Берком и его оппонентами, в том числе Маколей, следует считать то, что Берк рассматривал французские события с исторической точки зрения. Маколей же, ссылаясь на уникальность явления, считала, что история здесь не может помочь, поскольку «не предоставляет ни одного примера, какого бы то ни было правительства в большой империи, которое в самом строгом смысле этого слова закрепляло бы за гражданином полное обладание своими правами»¹⁵. «Лидеры французской революции и их последователи не прибегают к готическим институтам Европы, как это делает мистер Берк», – одобрительно замечает Маколей¹⁶.

Берк видит для возникновения революции только причины субъективные, а именно кризис идеологии и политики, выразившийся в бунте против христианства. В этой связи вся история французского Просвещения, начиная с XVII в., представляется Берку историей заговора литераторов-атеистов против христианской религии и церкви. К этому же заговору он причисляет людей, хотевших поживиться за счет секуляризации церковного имущества¹⁷. Нельзя не признать, что в такой точке зрения есть рациональное зерно.

Считая основной целью революционеров ниспровержение религии и церкви, предпосылкой успеха революции Берк называет нарушение баланса социальных противоречий. Оппоненты мыслителя вообще не связывали проблему отношений между социальными слоями с происхождением революции, но Маколей вскользь упомянула о феодальных привилегиях и вассальной зависимости, считая при этом причиной революции все же конфликт между абсолютизмом и нацией в целом. Берк же говорил о том, что, хотя противоречия всегда были и будут в общественной жизни и даже полезны, во Франции их равновесие было нарушено чрезмерно обострившимся конфликтом между дворянством и «средним классом», имеющим деньги, но не имеющим соответствующие им привилегии. Правительство вовремя не отреагировало на этот конфликт, не смягчило его, и «денежные мешки» примкнули к революционерам. Таким образом, Берк называет две основных причины успеха революции: ловкость «заговорщиков» и недостаточную решимость прежнего правительства¹⁸.

Симпатии К. Маколей были на стороне Учредительного собрания, о членах которого она написала, что они «дали пример великодушия, не зависящего от личных интересов, которое не имеет аналогов больше ни в каком Собрании»¹⁹; она одобряет его решение не смещать Людовика XVI, хотя против него и были «серьезнейшие основания самой ужасной вины», поскольку, если сместить короля, то французы могут получить «трудности в отношении свободы, вместо ее улучшения»²⁰. Относительно ограничения королевской прерогативы Маколей писала, что если король пострадал, то это его же вина, результат «поведения, которое, мягко говоря, было совершенно опрометчивым»²¹.

Маколей даже удивляет та сдержанность, с которой «демократы» относились теперь своим врагам, хотя перед революцией между ними существовала сильная враждебность. Если бы Маколей дождалась казни короля и террора времен революции, она, возможно, взяла бы свои слова обратно и по-другому оценила бы французские события. А пока она призывает читателей вспомнить всех тех, кто в «одночасье пали от ярости и возмутительной гордости царственных деспотов», и призывает сравнить поведение последних с мягким поведением революционеров²². В связи с рассуждениями о революции и судьбе короля опять неизбежно поднимается вопрос о праве народа на сопротивление монарху. Для Маколей очевидно, что право это у народа есть, и в пример она приводит английские события XVII в. и Славную революцию, когда народ оказал активное сопротивление суверену в тех условиях, когда «его преступность была несовместима с обществом»²³. Примеры Англии и теперь Франции должны предостеречь всех остальных монархов от злоупотреблений.

Берк обеспокоен тем, как обращаются с Марией-Антуанеттой и сетует, что эпоха рыцарства миновала; несмотря на то что Маколей тоже женщина, такие слова кажутся ей «фальшивыми понятиями чести»²⁴. Ей вторит Пейн, который резко осуждает «драматические сетования» по поводу того, что «эпоха рыцарских бредней миновала», и вообще осуждает Берка за эффектность и театральность его работы²⁵.

По-разному оценивают публицисты и обращение Учредительного собрания к королю в начале 1790 г.: Берк его осуждает, Маколей считает, что оно «выражено языком, наиболее приспособленным для смягчения личных несчастий короля», и «обещает ему настолько лояльную преданность его персоне, насколько могла бы потребовать та власть, которой он был лишен»²⁶. Проявлением почтения к королю и заботой о спокойствии в стране считает Маколей и ограничение передвижений королевской семьи: «Обеспечивая нахождение короля и королевы в Париже и, таким образом, предотвращая их побег, правительство обезопасилось от новых неприятностей в королевстве», – пишет она²⁷. Маколей также не упускает случая в очередной раз заявить о своем наибольшем предпочтении республики: «Я не знаю, что лорд Болингброк подразумевал, когда говорил, что предпочитает монархию другим правительствам, потому что каждая деталь республиканского правления лучше, чем любая деталь монархии»²⁸.

При анализе французских событий неизбежно возникал вопрос о том, кто же осуществил революцию, или, как бы мы сказали сейчас, каковы ее движущие силы. Если Маколей писала о «полном единодушии народа»²⁹, подразумевая, что революцию совершила вся нация, Берк отрицательно относился к такой точке зрения. Свои суждения он строил на анализе наказов депутатов в Генеральные штаты, справедливо считая их отражением истинного волеизъявления народа. Как известно, в этих наказах ничего не было сказано о тотальной ломке прежних порядков, и, таким образом, разговор о революционном единодушии лишен смысла. Деятели Национального собрания воспользовались ситуацией, чтобы захватить и узурпировать власть. «Я никогда не смогу относиться к Национальному собранию иначе, чем как к добровольному объединению людей, воспользовавшихся благоприятными обстоятельствами для захвата власти в государстве. У них больше нет той санкции и тех полномочий, какие они имели, собравшись впервые. Они отошли от наказов избравшего их народа, которые, поскольку Собрание действует, не опираясь на какой-либо старинный обычай или существующий закон, были единственным источником их полномочий»³⁰. Народ же, по мнению Берка, еще раз выразил свое негативное отношение к революционному перевороту, когда в 1791 г. многие его представители уклонились от

участия в выборах в Законодательное собрание, что признавали и сами власти.

На основе тезиса о желаемости революции и участии в ней только части населения Берк отделяет участников революции от основной массы населения и дает их описания, разделяя на социальные группы. Наиболее активные революционеры – уже упоминавшиеся выше члены «заговора», то есть «литераторы» и «денежная аристократия», а также лица свободных профессий: врачи, журналисты, юристы. Последние хотели получить дополнительные доходы за счет возникшей неразберихи. Большую группу революционеров представляла собой городская чернь, то есть маргиналы и люмпены. Просвещенные заговорщики путем нивелирования авторитета власти и церкви разрушили преграды, сдерживавшие чернь, но выпущенный ими джинн стал угрожать им же самим, и они стали заложниками разбушевавшейся толпы, ее капризов и настроений. Кстати, Берк уже в более поздних своих произведениях дал характеристику якобинизма. По его мысли, это не есть конкретное политическое течение одной отдельно взятой страны. Это глобальный феномен социального, идеологического и религиозного свойства. Основная его черта – фанатичная приверженность определенным идеологическим принципам: атеизму, абстрактно понимаемым правам человека, абсолютному равенству индивидуумов и так далее. Приверженцы этих идей имеют определенный психологический склад, обусловленный их социальным происхождением. Берк пишет: «Якобинскую революцию совершили люди, не имеющие общественного положения, напрочь лишённые осмотрительности и обладающие свирепым нравом дикарей, отличающиеся непостоянством, самонадеянностью, наглостью, чуждые морали, порядочности и благоразумия. Чем же они восполняют свои бесчисленные недостатки и что делает их такими страшными даже для стойких духом людей? Одно и только одно качество, которое, правда, стоит тысячи других – у них есть энергия»³¹.

Выше говорилось лишь о различиях в точке зрения Берка и Маколей на Французскую революцию. Но были и сходства. Оба мыслителя правильно оценили исключительную важность французских событий, но с противоположными знаками. Берк писал: «Мне кажется, что я присутствую при великом кризисе в делах не только Франции, но и всей Европы, а, возможно, и не одной лишь Европы. Если учесть все обстоятельства, то можно сказать, что Французская революция – самое важное из всего происходившего до сих пор в мире»³². По мнению Маколей, «это – событие, имеющее величайшее значение для самых сокровенных чаяний человечества: оно совершенно уникально по своей природе и удивительно по использованным в нем средствам»³³. Таким образом, и Берк и Маколей признавали революцию уникальной, другое дело – в чем они видели ее уникальность?

К. Маколей предвидела, что памфлет Берка будет иметь огромные последствия. Целью этого сочинения она считала – «поднять все народы против французов и таким образом уничтожить с их гибелью все права человека»³⁴.

В «Размышлениях» Берк пишет, что прежде всего французские события – не имеющий прецедентов и аналогов пример разрыва исторической преемственности. Еще не поняв, что из старого может пригодиться, французы разрушают все и предпочитают начать на пустом месте. Это стремление к ниспровержению имеет своими корнями идеи Просвещения, которые создали у людей ложное представление о возможности построения нового, невиданного строя на основе умозрительных принципов. Значит, «все преобразования во Франции имеют целью не исправление подлинных недостатков общества, а реализацию таких абстрактных принципов, как всеобщее равенство и естественные права человека», – прямо заявляет Берк³⁵. Вместо христианских ценностей навязываются принципы абстрактных размышлений Руссо, которые никак не отвечают реальной ситуации во Франции. Итак, это революция доктрины, политической догмы, но качественно новая, сравнимая лишь с Реформацией. Истинная основа этой революции – атеизм, а раз адепты новых идей считают их истинными и применимыми для всех стран, то они вскоре постараются распространить эту революцию на соседние страны, а затем далее, – пророчески отмечает мыслитель. А такое распространение приведет только к распаду и гибели общества. Даже Пристли позднее, продолжая все же считать Французскую революцию прогрессивным явлением, тем не менее, согласился с Берком по этому вопросу. Он писал: «христианская религия во всех намерениях и целях отменена во Франции и это Национальное собрание тайно и коварно внедряет систему атеизма в их землях»³⁶.

Подводя итог, можно сказать, что уникальность Французской революции состояла для Берка в попытке реализовать насильственным путем утопический идеал, в то время как его оппоненты усматривали во французских преобразованиях уникальный путь к всеобщему счастью сначала в самой Франции, а затем и в остальном мире.

Естественно, что при анализе французских событий, англичане думали, прежде всего, о своей стране и в памфлетах, посвященных Французской революции, есть немало строк, относящихся к ситуации в Англии. Э. Берк, как и Р. Прайс, использует анализ французских событий для того, что бы еще раз поговорить о Славной революции. Всем здравомыслящим людям, писал публицист, за исключением кучки индивидуумов, очевидны достоинства английской конституции. Свой гнев Берк, прежде всего, направляет на Прайса; он был крайне возмущен заявлением последнего о том, что верховная власть в стране принадлежит народу и, таким образом, английский король,

которому английский народ делегировал полномочия, – единственный законный король в мире. Эти слова с новой силой подогрели страсти вокруг оценки событий 1688 г. Во всех памфлетах, посвященных французским делам, содержались высказывания на эту тему. К. Маколей утверждала, что события 1688 г. «могли бы служить оправданием простому мыслящему человеку во мнении, что нынешняя правящая семья обязана своим правом престолонаследия выбору или разрешению народа»³⁷. Берк категорически не согласен, что Вильгельм был выбран, поскольку он вообще отрицает право народа на «избрание своих собственных судей и на смещение их с должностей за плохую работу»³⁸. Пристли полностью поддерживает Маколей и Прайса и заявляет, что «право подданных оказывать сопротивление тирану и свергать его с трона – это, говоря другими словами, увольнение дурного слуги, злоупотребившего оказанным ему доверием»³⁹. В другом, более раннем своем произведении он писал о том же: «Короли, сенаторы, дворянство или кто-либо с пышными именами и званиями только слуги государства, ответственные перед народом за исполнение соответствующих должностей. Если такие должностные лица злоупотребляют своим положением, народ обладает правом сместить их и наказать»⁴⁰.

Рассуждая далее о ситуации в Англии, Берк прибегает к понятию об античных правах, из которых англичане унаследовали свои права «как наследие, перешедшее от праотцов». Маколей видит в этом попытку избежать святого для нее понятия о «естественных правах». Кроме того, Берк, по ее мнению, забывает о «нормандском ярме», разрушившим все права, а те, что впоследствии были дарованы королями, могли быть и также легко отобраны, если только в стране не появится конституция, основанной на «естественных правах» человека⁴¹, «достоинство» которых, по ее мнению, Берк как раз и не учитывает в своих взглядах на правительство⁴².

Свой памфлет Кэтрин Маколей заканчивает вдохновенным пожеланием, что если французы переживут благополучно этот трудный отрезок их истории, «ничто не сможет повредить их правам и любое будущее правительство не сможет иметь никакой другой законной силы, кроме желания людей»⁴³.

Это противоречит горестным размышлениям Берка, который убежден в том, что реформы, проведенные насильственным путем, обречены на провал. Таким образом, французы, презрев закон и порядок, как раз и нарушили те «естественные права» людей, о которых так пеклась Маколей. Никакие прекрасные порывы не могут оправдать перевороты, ломку и насилие. Свобода для Берка возможна только как равенство перед законом и только в рамках закона.

Бурная полемика завершилась, между тем принятием реальных и имевших далеко идущие

последствия политических решений. Точка зрения Берка возобладала: английское правительство (тогда у власти находился кабинет «новых тори» во главе с Уильямом Питтом младшим) возглавило вторую коалицию против Франции, все же усмотрев опасность в ее внешней политике после революции.

Но полемика по поводу оценки самой революции во Франции, ее методов и последствий и связанных с нею широкого круга вопросов и проблем не утихает до сих пор.

Значение же рассмотренных памфлетов и личностей их авторов состоит в том, что и спустя два с лишним столетия их точки зрения продолжают представлять два основных полюса оценок событий Французской революции.

Примечания

- 1 *Freeman M.* Edmund burke and the Critique of Political Radicalism. Basil Blackwell, Oxford, 1980. P. 173.
- 2 *Burke E.* Reflections on the Revolution in France. L., 1790. P. 241.
- 3 *Ibid.*
- 4 *Ibid.* P. 87–88.
- 5 *Macaulay C.* Observations on the Reflections of the Rt. Hon. Edmund Burke on the Revolution in France in Letter to the Rt. Hon. The Earl of Stanhope. L., 1790. P. 5.
- 6 *Ibid.* P. 6.
- 7 *Ibid.* P. 12.
- 8 *Ibid.* P. 22.
- 9 *Ibid.* P. 54.
- 10 *Ibid.* P. 29.
- 11 *Ibid.* P. 33.
- 12 *Ibid.* P. 67.
- 13 *Ibid.* P. 36.
- 14 *Ibid.* P. 14.
- 15 *Ibid.* P. 81.
- 16 *Ibid.* P. 33.
- 17 *Burke E.* Op. cit. P. 210.
- 18 *Ibid.* P. 207.
- 19 *Macaulay C.* Op. cit. P. 30.
- 20 *Ibid.* P. 18.
- 21 *Ibid.* P. 23.
- 22 *Ibid.* P. 27.
- 23 *Ibid.* P. 16.
- 24 *Ibid.* P. 54.
- 25 *Pain T.* Rights of Man. L., 1954. P. 13.
- 26 *Macaulay C.* Op. cit. P. 56–57.
- 27 *Ibid.* P. 53.
- 28 *Ibid.* P. 81. В то же время в одном из своих писем Уолпол замечает: «Я сомневаюсь, действительно ли мой друг миссис Маколей так антимоноархична». (*Walpole H.* Horace Walpole's Correspondence. Vol. I–XLII. Yale Univ. Press, 1948–1980. Vol. XXXII. P. 138).
- 29 *Ibid.* P. 22.
- 30 *Burke E.* Op. cit. P. 297–298.

- ³¹ Цит по: Чудинов А. В. Размышления англичан о Французской революции. М., 1996. С. 86.
³² Burke E. Op. cit. P. 40.
³³ Macaulay C. Op. cit. P. 6.
³⁴ Ibid. P. 88.
³⁵ Burke E. Op. cit. P. 278.
³⁶ Priestly J. Philosophical Reflections on the late Revolution in France and the conduct of the dissenters in England. L. Undated. P. 6.
³⁷ Macaulay C. Op. cit. P. 10.
³⁸ Ibid. P. 12.

- ³⁹ Пристли Дж. Письма к достопочтенному Э. Берку, вызванные его «Размышлениями о французской революции» // Английские материалисты XVIII века : в 3 т. Т. 3. М., 1968. С. 468.
⁴⁰ Пристли Дж. Очерк об основных принципах государственного правления и о природе политической, гражданской и религиозной свободы // Английские материалисты XVIII века. Т. 3. С. 18–19.
⁴¹ Macaulay C. Op. cit. P. 45, 32.
⁴² Ibid. P. 45.
⁴³ Ibid. P. 95.

УДК 94(581)+327.56

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ «НОВОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ» В КОНТЕКСТЕ ВЫВОДА ВОЙСК НАТО ИЗ АФГАНИСТАНА

Д. С. Алексеев

Саратовский государственный университет
E-mail: alexeyevds@rambler.ru

В статье рассматриваются вопросы реализации на практике проекта «Новый шелковый путь». Автор анализирует условия, перспективы и риски, стоящие на пути международных усилий в данном процессе. Рассматривается также роль стран Центральной Азии, Ближнего Востока, Китая и России в процессах укрепления региональной безопасности после 2014 года.

Ключевые слова: региональная безопасность, НАТО, Афганистан, «Новый шелковый путь», внешняя политика США, Центральная Азия.

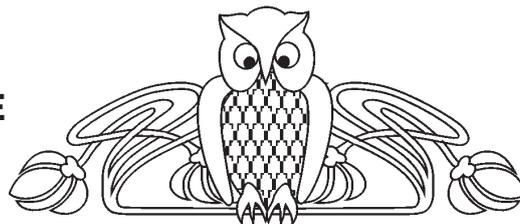
Perspectives of the «New Silk Road» Strategy in the Context of NATO Withdrawal from Afghanistan

D. S. Alexeyev

The article focused on the issue of implementation of the «New Silk Road» strategy. Author analyses the key conditions, risks and opportunities, which may affect the success of the Project. It also examined the role of Central Asian countries, as well as the Mid Eastern partners, China and Russia in the field strengthening of regional security after 2014.

Key words: regional security, NATO, Afghanistan, «New Silk Road», US foreign policy, Central Asia.

Твердое намерение администрации США и их союзников по коалиции, выполняющих миссию ИСАФ НАТО в Афганистане, существенно сократить количество находящихся там военнослужащих начиная с 2014 года все активнее обсуждается в кругах экспертов и политиков в последнее время. Главные вопросы, вызывающие острую дискуссию, вращаются вокруг проблем обеспечения безопасности и правопорядка не только на территории Афганистана, но и в регионе, прилегающем к этому государству. Действительно, открытых вопросов накопилось достаточно много, и мало

кто может с уверенностью прогнозировать, как именно будет развиваться ситуация с поддержанием стабильности, контролем за наркотрафиком, ограничением распространения радикализма и экстремизма.

Для большинства специалистов очевидно, что без решения острых социально-экономических проблем в Афганистане и сопредельных государствах добиться устойчивой стабильности и работы государственных институтов в самом Афганистане будет невозможно. Одним из предлагаемых решений целого ряда острых проблем, широко обсуждаемых в настоящее время, является инициатива Нового шелкового пути.

Проект Новый шелковый путь (НШП)¹ был запущен при администрации Дж. Буша-младшего и был ориентирован на экономическую составляющую, которая стала бы в перспективе центральным элементом в формировании так называемого Большого Ближнего Востока (ББВ). В период с 2001 по 2005/07 годы, когда фокус американской внешнеполитической активности вращался вокруг Ирака и его соседей, идея создания новой политико-экономической формации в виде ББВ активно продвигалась неоконсерваторами в администрации США, которые занимали в то время ключевые государственные позиции и, по сути, определяли внешнеполитическую стратегию страны. Идея включала в себя, прежде всего, попытку постепенного (пусть и насильственного) привнесения в регион демократических основ государственного управления путем смены режимов, что, в конечном счете, должно было бы привести к появлению в регионе нового полюса силы (демократических мусульманских государств, которые имели бы проамериканскую и, в более широком смысле, прозападную ориентацию). Большой Ближний Восток предполагалось начать «расширять», отталкиваясь от успешной операции в Ираке, а